

Минаев «Стакан Воды»

Подготовила библиотекарь
ГБОУ «Специальная школа-
интернат с.Дмитряшевка»
Л.С.Воронина

Борис Дори́анович Ми́наев (24 мая 1959, Москва) — советский и российский журналист, писатель, издатель. Главный редактор журнала «Медведь».

Борис Минаев – писатель и журналист, лауреат премии «Заветная мечта», дважды обладатель премии журнала «Октябрь» за лучшую публикацию года, «Писатель года 2016» по версии журнала «GQ». Дебютная книга Бориса Минаева «Детство Левы» принесла ему всероссийскую известность, и сегодня ее можно найти практически в любой библиотеке страны. В 2019 году «Детство Левы» пережила второе рождение: издательство «Речь» выпустило ее с рисунками Евгении Двоскиной.

БОРИС МИНАЕВ

МЯГКАЯ
ТКАНЬ

КНИГА ПЕРВАЯ
БАТИСТ

Автор книги: Борис Минаев

Жанр: Современная русская литература, Современная проза

Стакан воды

Помню, как мама впервые посадила меня под домашний арест. Я был совершенно потрясён этим событием. Хотя казалось бы, что такого — посидеть дома? В родных, так сказать, стенах? Многие дети сидят под домашним арестом и ничего ведь, не умирают. Даже больше того, вообще никуда идти не хотят. А зачем, спрашивается? Дома у них телевизор, видео, компьютер, музыкальный центр и даже может быть игровая приставка «Сева». Ну, а мы — даже представить себе не могли день без гулянья. Как это? Не выйти во двор? Не походить по родным лужам? Стыдясь самого себя, из-за занавески наблюдать, как люди чертят классики, разбивают битой горку пятаков или не дай бог затевают слона?

...Да ведь и никакой бытовой техники у наших родителей пока ещё не имелось. Телевизор и то был чёрно-белый. А так ещё мог быть приёмник трёхпрограммный. Магнитофон «Маяк». Утюг, может быть, электрический на шнуре. Проигрыватель «Юность» с пластинками. Для полноценного отдыха, прямо скажем, маловато. Да и появились эти вещи как-то неожиданно. Родители ещё не успели к ним привыкнуть. Трогать их руками практически не разрешали. Приходилось сидеть дома и ничего не трогать руками. По телевизору днём показывали таблицы для настройки изображения.

Поэтому порой мы изобретали довольно странные способы проводить время.

Итак, мама ушла на работу и оставила меня под домашним арестом. От этого я немедленно почувствовал себя опять маленьким. Когда из дому выходить нельзя, а дома делать совершенно нечего.

...Я лёг на диван и стал представлять, как бывало прежде, разные чудеса на обоях, сощуриив изо всех сил один глаз. От такого усиленного сощуривания, как известно, узоры на обоях должны расплываться и превращаться в дурацкие лица, фигурки животных, дворцы и пистолеты. Но они не хотели превращаться и только обиженно мигали в ответ.

Тогда я решил поправить своё здоровье и пошёл на кухню. Намазав кусок чёрного хлеба толстым слоем горчицы, посыпав его перцем и солью и налив стакан холодной воды, я с вожделением съел свой любимый фирменный бутерброд (секрет которого открыл ещё, кажется, во втором классе) и залил его обжигающий и в то же время чудесный вкус холодной водой из под крана.

Затем я опять лёг на диван и стал прислушиваться к своему животу. Живот удовлетворённо бурчал и булькал. Горчица и перец, как всем известно, вызывают весёлое покалывание в мозгах. Теперь мне стало окончательно ясно, что я — это действительно я, но только вот одиночество какое-то не моё. Раньше оно было сладким, тёплым и уютным. Теперь меня окружало холодноватое и круглое одиночество совершенно без углов и пещер. Но ничего — подумал я — нет худа без добра. Это даже интересно — попробовать сделать так же, как раньше.

...Для начала я решил попринимать позы, которые казались мне прежде верхом блаженства. Например, я залез головой под диван и стал дышать в темноте. Потом просто лёг на пол лицом вниз. Потом встал на диван головой, а ноги задрал на стену.

Но ничего не помогало. Квартира была по-прежнему как не моя, нахохлившаяся и чужая. Действие первого бутерброда таким образом прошло и я решил попробовать действие второго. Оно, как всем известно, всегда значительно меньше первого. Неокрепший детский организм довольно восприимчив к действию горчицы и перца, но быстро привыкает к нему. Я взял больше горчицы, больше перца и соли, но меньше хлеба и стал есть. Взгляд мой упал на приготовленный заранее стакан холодной воды из-под крана. И тут я всё понял. Я понял, чего мне не хватало в моём домашнем аресте. Я включил на полную громкость радиоточку, которая передавал оперу Мусоргского «Хованщина» и запрыгал от радости.

...Стакан воды! Пустив на кухне из крана небольшую тоненькую струйку и быстро дожевав второй бутерброд — я открыл дверь на балкон и вышел в прохладное свежее пространство. Всё было просто прекрасно. Шумел далёкий трамвай. По улице скучно шли какие-то люди. Крыши домов расплывались в мареве жаркого дня. Чего здесь не хватало — это как раз меня. И воды. Выплеснув первый стакан, я внимательно проследил за его прозрачным полётом. Одного стакана явно было недостаточно.

Я быстро перешёл на литровую банку. С банкой дело пошло гораздо лучше. Вода летела до земли так долго, что успевала рассыпаться на десятки или даже сотни красиво блестящих капель. Наконец мне надоело бегать на кухню, и я решил принести на балкон целое ведро. Из ведра немного пролилось на пол, но это было ничего, я бросил сверху грязную тряпку, как иногда делала мама, когда проливала что-то на кухне, и вытер трудовой пот со лба.

Воду я выливал по следующей системе. Если по улице шёл прохожий, я просто выплескивал банку и вновь садился на корточки, чтобы меня не было видно. Куда летит вода и попала ли она в цель, я уже узнать не мог из-за конспирации. Если прохожий при этом начинал вопить, сидеть надо было долго, минут пять. Или хотя бы три. Правда, балкон наш находился не над самым тротуаром, а так, в некотором отдалении... Между домом и тротуаром ещё была полоска земли с кустиками. Так что попасть на асфальт можно было только как следует пристрелявшись. Но вскоре я пристрелялся. Для этого мне потребовался ковшик с длинной ручкой. С помощью этого неплохого рычага удавалось попасть водой даже на проезжую часть. Одно было плохо — приходилось бегать с ведром. Сначала я наливал по полведра, потом перешёл на целое. Грязная тряпка уже плохо закрывала лужу на полу. Луж вообще становилось всё больше. Но это как раз было хорошо. Хорошо было быть мокрым, грязным, наполненным водой. Солнце поднималось всё выше над городом. Оно светило своими пыльными лучами прямо в мои глаза. Вода струилась вокруг. Вся квартира окончательно превратилась в водный мир.

Казалось, что вскоре здесь запрыгают лягушки и заскачут жуки-плавунцы. Хлюпанье тряпки, грохот вёдер, звон наливаемой воды, противный звук скользкой руки о мокрое стекло — эти звуки наполняли моё сердце. Я настолько разошёлся, что решил налить полную ванну воды, полные тазы и кастрюли, чтобы не бегать туда-сюда. Вся посуда теперь стояла на полу. Вода журчала изо всех кранов. А я кричал сверху обалдевшим прохожим:

— Что? Жарко! А вот я вам!..

Наконец я решил поливать прохожих из шланга. Почему-то мне показалось, что шланг у папы есть. Я вынул всё из-под ванны — папину старую гирю, какие-то тазики и грязные коробочки, потом начал рыскать по прихожей и по кухне, но шланг всё никак не находился. Тогда я стал кричать из другого окна Колупаеву, который шлялся во дворе без дела и видимо поджидал меня:

— Колупаев! У тебя шланг есть?

— Что?

— Шланг есть?

— Что?

— Дед Пихто! Шланг у тебя есть длинный резиновый? Глухая тетеря!

— Сам ты шланг! — обиделся Колупаев.

...И в этот момент в дверь позвонили.

Несколько секунд, а может и минут, я стоял как громом поражённый. Никто не мог прийти в это время. Кроме, конечно, разбойников и убийц. Но это были не разбойники и не убийцы. На пороге стояла мама с испуганным лицом и соседка тётя Валя.

— Лёва, что случилось? — быстро спросила мама.

— Ну я же говорила! — радостно сказала соседка.

Как я потом узнал, маму с работы вызвала по телефону именно она, тётя Валя.

— А я, понимаешь, Марин, слышу, воду кто-то льёт, — радостно хохоча, приговаривала тётя Валя, пока мама с хмурым видом следователя по особо важным делам осматривала место происшествия.

— Так! — грозно сказала мама, осмотрев комнату.

— И льёт, и льёт, — продолжала тётя Валя. — Я думаю, чего это ты... может, стирку устроила? Или купаешь своего? Потом думаю, нет, не может быть, я же видела, как ты на работу уходила... А он главное дело льёт, льёт... Я из ванной-то слышу! Ну, нахалёнок! — радостно говорила тётя Валя, с видом победителя усевшись в кресло.

— Так! — сказала мама, осмотрев кухню.

— Потом ещё слышу, прям какой-то налёт! Ну точно налёт! Кастрюли на кухне падают, вёдра гремят... И всё больше, больше... Не иначе, думаю, парень твой хулиганит... Выглянула — точно, льёт! С балкона! Ну, нахалёнок! — тётя Валя совсем развеселилась и начала мелко и заливисто хихикать.

— Ты зачем это сделал? — тихо спросила мама.

— Не знаю! — так же тихо ответил я.

— А я знаю! Ты осёл! — громко и чётко сказала мама.

Тут тётя Валя как-то осеклась, перестала хихикать и начала меня испуганно увещевать.

— Ты, Лёва, уже не маленький, — ласково говорила она, с испугом поглядывая на маму. — Ты уже должен понимать. А если бы ты на милиционера попал? Или на старенького дедушку?

— Знаешь что, Валь, — решительно сказала мама. — Ты иди. Спасибо тебе за всё. Спасла нашу квартиру от потопа.

— Да что, я ничего. Ремонт недавно был, я и подумала: вдруг зальёт... — каким-то ослабевшим голосом сказала тётя Валя. — Я просто так. На всякий случай.

Видно, тётя Валя серьёзно опасалась за мою жизнь и не решалась уйти сразу.

— Ну вот, — грустно сказала она. — Такой концерт вот получился по заявкам радиослушателей.

...Когда она ушла, несколько секунд мы с мамой стояли в тишине.

— Лёва! — сказала мама, разрубая воздух ладонью. — Будь добр! Объясни мне пожалуйста. Чётко и ясно. Что означает. Твоё поведение.

Я пожал плечами.

— И это всё? — леденящим душу голосом спросила мама.

— Мама, — убедительно сказал я, даже сам поразившись про себя своей убедительности.

— Ну как я могу объяснить тебе то, что объяснить в принципе невозможно?

— А вот будь добр! — заорала мама. — Вот уж постарайся пожалуйста объяснить!

— Ты взрослый человек! — кричала мама. — Отвечай за свои поступки! Или хотя бы возьми тряпку и немедленно вытри пол!

Я стал ползать по полу, хлюпая носом. Мама вдруг присела на корточки, взяла меня за подбородок и подняла моё лицо к свету.

— Лёва, — сказала она. — Я ещё раз спрашиваю: ну что с тобой происходит? Одно безобразие за другим. У меня же сердце не каменное. Звонит соседка. Мне было плохо, честное слово. Меня валокордином отпаивали. Я мчусь к тебе через весь город. Я пять лет жизни потеряла, наверное, за этот час. А тут какая-то ерунда. Льёт воду из окна, как в шесть лет. Или вчера... Два часа бегала искала по всей Красной Пресне. Думала, тебя цыгане украли.

Мама смотрела на меня внимательно и напряжённо. Наверное, она думала, что я понемногу начинаю осознавать всю тяжесть совершенного мною проступка. И проникаюсь горьким чувством ответственности за содеянное. Мне хотелось сказать, что мне уже не шесть лет, что я прекрасно понимаю разницу между баловством и нормальным поведением, что я не играл и не валял дурака, а изучал свойства льющейся воды и другие её чудесные качества, что возможно после этого дня я стану биологом, химиком, моряком, механиком фонтанов или фокусником, но ничего этого я сказать не успел. Потому что мама, не выдержав моего молчания, задумчиво произнесла:

— Уж лучше бы ты во дворе что ли погулял...

— Но ты же сама сказала, что я под домашним арестом! — чуть ли не закричал я. Мама покраснела. Вернее сказать, залилась краской. Трудно сказать, что бы случилось в следующую секунду. Но тут снова раздался звонок в дверь.

— Так! — сказала мама. — Это за тобой милиция пришла. Но учти, я тебя на поруки не возьму...

Ни жив ни мёртв я открыл дверь. На пороге стоял улыбающийся дядя Юзя из Харькова, со своим маленьким чемоданчиком командировочного.

— Ура! — сказал он. — А вот и я! А где же крики восторга? И почему вы такие мокрые от слёз? И почему взрослые дома в такое неурочное время?

Мама неожиданно всхлипнула. Видимо появление дяди Юзи из Харькова стало последним завершающим ударом по её нервной системе.

— Мариночка, деточка, ты что? — ласково расстроился дядя Юзя. — Какие проблемы? Трубу прорвало? Сейчас починим!

— Вот его прорвало... — всхлипывая, мама ткнула пальцем в меня. — Вот его надо починить...

Дядя Юзя задумался и после недолгой паузы свирепо произнёс:

— Ну что ж! Надо значит надо!

